

25 апреля 2016 года

**В Министерство образования и науки
Российской Федерации**

125993, Москва, ул. Тверская, д. 11

от

д-ра ист. наук Вячеслава Николаевича Козлякова,

д-ра ист. наук Константина Юрьевича Ерусалимского,

Ивана Фёдоровича Бабицкого, Ph. D. (Università degli Studi di Firenze, Italia),

(просим направлять корреспонденцию каждому из заявителей
по всем указанным почтовым и электронным адресам)

ЗАЯВЛЕНИЕ

О ЛИШЕНИИ ВЛАДИМИРА РОСТИСЛАВОВИЧА МЕДИНСКОГО УЧЁНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

27 июня 2011 г. на заседании диссертационного совета Д.212.341.02 по историческим и политическим наукам при Российском государственном социальном университете (РГСУ) состоялась защита докторской диссертации по специальности 07.00.02 «Отечественная история» Владимира Ростиславовича Мединского, которому в результате была присуждена учёная степень доктора исторических наук. Тема диссертации – «Проблемы объективности в освещении российской истории второй половины XV - XVII вв.». Мы, нижеподписавшиеся, полагаем, что решение диссертационного совета о присуждении учёной степени было неправомерным и должно быть аннулировано по ряду причин, которые приводятся ниже со всеми необходимыми разъяснениями и ссылками на документы.

I. Уже при самом поверхностном знакомстве с трудом В.Р. Мединского не только специалисту, но и любому человеку с хоть сколько-нибудь серьёзным гуманитарным образованием бросается в глаза тот неоспоримый факт, что этот текст в принципе

нельзя считать историческим исследованием – настолько он пестрит грубейшими ошибками, которые трудно себе представить даже в курсовой работе студента исторического факультета. И это, хотелось бы подчеркнуть, не преувеличение и не фигура речи – так, например, на стр. 240-241 Мединский пишет: «Как известно, у православных верующих все церковные книги были написаны на русском языке, поэтому понять их содержание было легко. Иная ситуация была у католиков и протестантов. У них Священное писание было написано на латыни, которую рядовые верующие не знали». Речь идёт о временах Ивана Грозного. Не нужно быть историком, чтобы оценить почти неправдоподобную для учёного-гуманитария степень невежества автора этой фразы – в одном предложении он сумел показать, что ему ничего не известно ни о таком феномене, как церковнославянский язык, ни о переводе Священного Писания на немецкий язык, сделанном Лютером. И это далеко не единственный пример – чтобы не показаться голословными, приведём ещё несколько.

Стр. 189: «Из русских летописей известно, что русские люди столкнулись с агрессией неверных, т.е. не христиан, значительно раньше европейцев и в течение нескольких веков успешно её отражали.»

Если вспомнить, что завоевание арабами Пиренейского полуострова относится к началу VIII века, а на территории современной Франции их нашествие было остановлено Карлом Мартеллом в битве при Пуатье в 732 году, за два с половиной века до крещения Руси, то остаётся только гадать, что имел в виду В.Р. Мединский – то ли, по его мнению, жители вестготского и франкского королевств не были европейцами, то ли арабские завоеватели были христианами... Впрочем, его трактовка понятия «христианство» вообще с очевидностью отличается от общепринятой – так, на стр. 447 у него можно обнаружить фразу: «Различия между христианской и католической церквями порождали определённое непонимание и недоверие друг к другу» (!).

Стр. 165: «Например, язык русских людей Павел назвал иллирийским, т.е. принадлежащим к отдельной ветви индоевропейской языковой семьи. Это, хотя и подразумевало его глубокие корни, но убеждало европейских читателей лишь то, что для них он чужд и непонятен.»

Здесь В.Р. Мединский допускает не менее комичную ошибку: разумеется, в понимании Паоло Джовио латинское прилагательное *illyricus* в узком смысле относилось к языку современных ему обитателей территории, которая в древности называлась Иллирией, т.е. к одному из южнославянских диалектов сербско-хорватского ареала, а в широком смысле – ко всем сходным с ним наречиям. Иными словами, фактически Джовио просто назвал русский язык славянским, и не более того¹. Однако Мединский, не

¹ Это очевидно даже из разъяснений Джовио в том же исследованном Мединским тексте – «Московиты, подобно Славянам, Далматам, Богемцам, Полякам и Литовцам, употребляют Иллирийский язык и Иллирийские письмены» (в оригинале «*Moschovitae Illyrica lingua, Illyricisque literis utuntur, sicuti et Sclavi, Dalmatae, Voemi, Poloni, et Lithuani*», цит. по базельскому изданию 1578 г., стр. 93).

смущаясь очевидным анахронизмом, придаёт слову «иллирийский» то специфическое значение, которое оно приобрело в современной индоевропеистике (так лингвисты называют группу палеобалканских языков, вымерших в первом тысячелетии н.э.), – и даже прямо утверждает, что итальянский епископ в XVI веке имел представление о существовании индоевропейской языковой семьи и её отдельных ветвей! Называя русский язык «иллирийским», он-де тем самым приписывал ему «глубокие корни»...

Стр.131-132: «Некоторые исследователи полагают, что именно эта часть «Трактата» является самой главной, поскольку цель автора якобы состояла в критике географических представлений немецкого гуманиста XV века Энея Сильвия Пикколомини.»

Тут у читателя может сложиться впечатление, что человек, называющий уроженца Тосканы Энея Сильвио Пикколомини «немецким гуманистом», не только ничего не слышал об этом историческом деятеле, но даже вряд ли способен отличить немецкую фамилию от итальянской – иначе, казалось бы, одно это несоответствие фамилии и предполагаемой этнической принадлежности должно было заставить его заглянуть хотя бы в энциклопедический словарь.

Стр. 341-342: «Трудно понять, почему Маржерет полагал, что Рюрик с братьями были из Дании. По его версии получалось, что династия русских государей имела датское происхождение. В русских летописях утверждалось, что Рюрик был варягом и прибыл из Скандинавии.»

Эти слова лишней раз подтверждают, что не только исторические, но и географические познания В.Р. Мединского, видимо, хромают даже по меркам первого курса исторического факультета, а то и выпускного класса средней школы. В противном случае предположение, что скандинав может быть родом из Дании, вряд ли показалось бы ему настолько трудным для понимания.

Подобных фраз у Мединского можно найти ещё много, но уже приведённых вполне достаточно для того, чтобы отсутствие у диссертанта необходимых элементарных познаний в избранной им научной области стало очевидно любому – и при этом речь идёт о диссертации на соискание учёной степени доктора наук!

II. Несмотря на то, что после вышесказанного дальнейшие аргументы могут показаться излишними, уточним сразу, что несоответствие текста В.Р. Мединского требованиям, предъявляемым к докторской диссертации, далеко не ограничивается обилием грубейших ошибок (прежде всего анахронизмов) – своеобразный методологический подход, который автор постоянно демонстрирует в своём «исследовании», сам по себе свидетельствует о том, что к исторической науке оно в принципе никакого отношения иметь не может. Так, уже во введении мы находим вполне эксплицитно сформулированное методологическое кредо:

«Критерием положительной или отрицательной оценки, – по словам нашего современника – известного русского учёного и мыслителя О.А. Платонова, – могут быть только национальные интересы России. Первый вопрос, на который должна честно ответить историческая наука – насколько то или иное событие или частное деяние отвечает интересам страны и народа. Взвешивание на весах национальных интересов России создаёт абсолютный стандарт истинности и достоверности исторического труда» (стр. 3-4).

Исторические воззрения О.А. Платонова, на которого ссылается здесь автор, действительно пользуются некоторой известностью (впрочем, скорее анекдотического толка) – в том, что касается актуальной для диссертации Мединского темы культурного взаимодействия России и Запада, их хорошо иллюстрирует, например, следующий фрагмент:

«Проникновение в Россию антихристианских представлений, свойственных нарождающейся на Западе иудейско-масонской цивилизации, осуществлялось не столько через прямые контакты с иудаизмом и еврейской средой, сколько путём влияния таких западных организаций, уже подвергшихся иудизации, как католическая и протестантская церкви и масонские ложи. Являясь в значительной степени проводниками иудейско-талмудических взглядов, эти враждебные Православию организации сумели найти дорогу в умы российского дворянства и интеллигенции. Именно в этой среде во второй половине XVIII – начале XIX века складывается тип человека, лишённого национального, православного сознания, враждебного Русскому Государству и Христианской Церкви. <...> И всё же я был бы не прав, если бы утверждал, что русское образованное общество полностью порвало с ценностями Русской цивилизации. Это невозможно хотя бы в силу генетической заданности, которую нельзя поломать даже в течение нескольких поколений нигилизма» (О.А.Платонов, «Терновый венец России. Тайна беззакония: иудаизм и масонство против Христианской цивилизации», Москва, изд. «Родник», 1998, стр.254, 257).

Разумеется, мы далеки от того, чтобы на основании одной цитаты из «известного русского учёного и мыслителя» приписывать В.Р. Мединскому и эти старомодно-анекдотические концепции западного культурного влияния; однако тот факт, что во введении своей диссертации он вслед за Платоновым объявляет абсолютным стандартом истинности и достоверности исторического труда «взвешивание на весах национальных интересов России» и эксплицитно признаёт «положительную или отрицательную оценку» событий с этой точки зрения задачей исторической науки, говорит сам за себя. Текст, написанный в соответствии с подобными принципами, с очевидностью может быть признан чем угодно, но только не научным исследованием, и все дальнейшие претензии автора на «объективность» тут ничего не меняют. Историческая наука тем и отличается от пропаганды, что не оценивает события

положительно или отрицательно в зависимости от их соответствия чьим-либо национальным интересам, а ограничивается беспристрастным анализом.

Выводы «диссертации» полностью соответствуют заявленному изначально формату: и по содержанию, и по стилю они приближаются к пропагандистскому памфлету – счесть их результатом научного исследования, хотя бы и посредственного, практически невозможно. Например, на стр. 441 мы находим следующий вывод: «Таким образом, высказанное ещё в XV веке мнение А. Контарини о склонности русских людей к пьянству стало повторяться в сочинениях иностранцев и в XVI, и в XVII веках. При этом каждый автор всё больше и больше сгущал краски, способствуя формированию у европейцев устойчивого мнения о русских людях как о закоренелых и беспробудных пьяницах. Но на самом деле русские люди, по сравнению с иностранцами, были настоящими трезвенниками. Ведь им разрешалось употреблять спиртные напитки всего несколько дней в году, по четырём большим церковным праздникам. Иностранцы же пили беспробудно и ежедневно».

Наконец, следует упомянуть такую особенность «научной» методологии Мединского, как полное пренебрежение к принципу доказательности. Оценивая достоверность тех или иных сообщений иностранцев о Русском государстве, он по большей части ограничивается тем, что сличает их со своей собственной реконструкцией – при этом, сообщая читателю, как обстояли дела «на самом деле» (этот вводный оборот используется постоянно), Мединский систематически приводит в подтверждение своей точки зрения аргументы, которые трудно назвать иначе, как откровенно карикатурными. Например, на стр. 136-137 мы читаем: «По его убеждению, москвиты лучше следовали христианским заповедям, чем европейцы. “Величайшим злодеянием у них считалось обманывать и прелюбодействовать, разврат и распутство среди них встречались редко, а клятвопреступление и богохульство – никогда”. Совершенно очевидно, что данную информацию Альберт получил от своих родственников, достаточно долго живших в Москве и занимавшихся торговлей в России. Думается, что этим сведениям можно полностью доверять, поскольку их сообщили люди далёкие от политики».

В этом же духе он отстаивает честь русских людей и в других местах:

«Данные датчанина о содомии, несомненно, были выдумкой, поскольку все иностранцы, положительно относившиеся к России, писали, что у русских людей было прирождённое отвращение к порокам» (стр. 389).

«Маловероятны и данные Герберштейна о том, что Елена Глинская сразу после смерти мужа сделала своим любовником князя И.Ф. Овчину-Оболенского. В это время этот князь лишь получил чин конюшего, т.е. старшего боярина. Но это было сделано не из личных пристрастий великой княгини, а потому, что он состоял в близком родстве с мамкой Ивана IV Аграфеной Челядниной. Именно на неё была вынуждена опираться

молодая вдова, не имевшая корней в Русском государстве. К тому же известно, что князь был женат» (стр. 216).

Аргументация подобного рода встречается в диссертации В.Р. Мединского постоянно – что недвусмысленно характеризует его представления о научном методе применительно к историческому исследованию вообще. С точки зрения общепринятых научных критериев его заключения неизменно бездоказательны, при этом нередко в них встречаются странные преувеличения откровенно конспирологического толка – напр. на стр. 438: «При выяснении обстоятельств создания того или иного сочинения иностранцем удалось доказать, что практически все авторы, писавшие о России, выполняли заказ тех или иных политических кругов. <...> Цель их состояла в том, чтобы дать читателям только ту информацию, которая была выгодна заказчикам, и соответственно настроить европейскую общественность по отношению к Русскому государству в нужном для заказчиков направлении» и т.п. Подобные пассажи заставляют вспомнить о трудах небезызвестного А.Т. Фоменко и других классиков «альтернативной истории». Иными словами, какие-либо научные, – т.е. **доказанные** в соответствии с методологическими принципами современной исторической науки, – выводы в диссертации В.Р. Мединского попросту отсутствуют.

III. Всего сказанного, по нашему мнению, вполне достаточно, чтобы дать однозначный ответ на вопрос о характере обсуждаемой «диссертации»: признать её научным исследованием невозможно – ни в методологическом аспекте, ни в том, что касается владения историческим материалом хотя бы на элементарном уровне. Однако если бы даже кто-то по какой-либо причине поставил себе задачу оценить её, закрыв глаза на все недостатки подобного рода, – и в этом случае она не удовлетворяла бы требованиям, предъявляемым к докторской диссертации, по ряду более специфических причин (о которых уже писали, в частности, такие профессиональные историки, как д. ист. н. В.В. Пенской² и к. ист. н. А.Н. Лобин³). Здесь достаточно упомянуть только самые очевидные – иначе список получился бы слишком длинным.

Прежде всего, от любого серьёзного исследователя безусловно требуется хорошее знание актуальной научной литературы в избранной им области – не имея достаточно полного представления о современном состоянии науки, нельзя надеяться сделать в ней что-то новое. С этим принципом и сам Мединский, разумеется, не спорит – так, во введении он пишет: «Для раскрытия обозначенной научной проблемы представляется необходимым <...> провести подробный анализ историографии проблемы с учётом новых научных исследований и рассмотреть источники изучения темы...» (стр. 9). Однако никаких признаков удовлетворительного знакомства с «новыми научными исследованиями» в его диссертации обнаружить нельзя.

² Виталий Пенской, «Без навыков историка» (<http://polit.ru/article/2012/04/01/medinsky/>).

³ Алексей Лобин, «Пещерное источниковедение» (<http://polit.ru/article/2012/03/13/medinsky/>).

Как справедливо замечает А.Н. Лобин, «судя по автореферату и тексту диссертации автор не разбирается в современной литературе по Россике, поскольку отсутствуют ссылки на основополагающие труды. Где работы западноевропейских исследователей, таких как А.Каппелер, И.Граля, С.Мунд, Т.Отт, Н.Ангерманн, Р.Фречнер? Где работы отечественных историков Е.Ф.Шмурло, И.И.Полосина, А.Л.Хорошкевич, В.Д.Назарова, М.М.Крома, А.И.Филиюшкина и прочих (всех перечислять не буду)? Это студенту простительно не знать и не использовать работы указанных авторов, но никак не будущему доктору исторических наук»⁴.

Здесь нужно сделать важное примечание: А.Н. Лобин говорит о том, что ссылок на труды всех этих исследователей нет в **тексте** диссертации. В **библиографии** на стр. 455-479 некоторые из перечисленных фамилий упомянуты – однако это в данном случае ни о чём не говорит. Дело в том, что, хотя она и озаглавлена «Использованные источники и литература», В.Р. Мединский как минимум отчасти составлял её не путём перечисления действительно использованных им изданий, а популярным у недобросовестных студентов и подражающих им «учёных» методом **механического копирования** фрагментов готовых библиографий из книг других авторов.

Так, первые двенадцать наименований (номера с 218 по 229) заключительной части, в которую вошли книги и издания на иностранных языках, несомненно, скопированы из публикации «Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного» 1925 года – это вся иноязычная часть библиографии, завершающей книгу. Поскольку издавший Штадена в 1925 году И.И. Полосин разбил свой список литературы на два тематических раздела, а Мединский скопировал соответствующие названия, не меняя их последовательности, алфавитный порядок внутри этого фрагмента библиографии оказался нарушен в одном месте – он сохраняется с 218-го по 226-ое наименования, а дальше идут номера 227-229 на буквы В и D.

При этом будущий доктор исторических наук со всей очевидностью копировал названия якобы использованных им научных публикаций не непосредственно из книги 1925 года, а из её распознанного текста, найденного на электронном ресурсе www.vostlit.info (или «родственном» ему) – только этим можно объяснить систематическое совпадение ошибок и особенностей передачи оригинального текста в обоих случаях. По неизвестной причине особенно не повезло В.Р. Мединскому с немецким словом Graf – под номером 218 мы находим у него Pfaizgrafen вместо Pfalzgrafen, под номером 219 Pfalz-graf вм. Pfalzgraf и Grat zu Veldenz вм. Graf zu Veldenz. Эти же типичные ошибки автоматического распознавания отсканированного текста присутствуют и на электронной странице по адресу www.vostlit.info/Texts/rus6/Staden/lit.phtml?id=1914 (см. Приложение 4).

⁴ См. предыдущую сноску.

Отметим, что не вполне академическое (мягко говоря) обращение В.Р. Мединского с найденными в сети текстами этим примером не ограничивается: например, у него можно встретить скандальную для серьёзного исследования ссылку nauka-shop.com/mod/shop/productID/54541/ (во введении – стр.6, 17, и даже в заключении – стр.447) – т.е. ни много ни мало ссылку на ресурс, специализирующийся на торговле рефератами в интернете! Именно оттуда в его труд попали заимствования из диссертации по культурологии на тему «Социокультурная проблематика французской “Россики” последней трети XVIII века» (2005). Ни само это исследование, ни его автор Н.Ю. Вошинская нигде не упоминаются Мединским⁵ – и при этом позаимствованные у неё пассажи прямо **представлены им как собственные выводы**⁶, что делает некорректную сноску ещё менее простительной.

Такое пренебрежение современной научной литературой по теме исследования, даже если вынести за скобки вопросы этики, уже само по себе непростительно для учёного; однако ещё прискорбнее то, что в случае В.Р. Мединского этот специфический подход распространяется и на другие аспекты диссертации – прежде всего, на сам выбор анализируемых текстов. Автор использует преимущественно те из них, что были введены в научный оборот ещё в XIX веке, и единственная библиография записок иностранцев о Русском государстве, которую он упоминает – это труд Ф. Аделунга, опубликованный в 1846 году! Между тем, нельзя сказать, что за последующие 150 лет ничего нового в этой области не появилось: игнорирование Мединским выдающегося библиографического труда, вышедшего в свет под редакцией П. А. Зайончковского («История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях», Москва, «Книга», 1976), трудно объяснить, о заметно более полной библиографии американского исследователя Маршалла По (Poe, Marshall T. *Foreign Descriptions of Muscovy: An Analytic Bibliography of Primary and Secondary Sources...*, Slavica Publishers, © 1995, 1999, 2008) он, похоже, также не слышал.

Небольшое число учтённых сочинений иностранцев (**менее полусотни!**) вообще вызывает недоумение – автор претендует на то, что в его диссертации «в отечественной исторической науке впервые проведено комплексное, системное исследование и сформировано целостное представление о восприятии и оценке общей картины повседневной жизни московского общества европейцами, побывавшими в нашей стране во второй половине XV-XVII веков» (стр. 17), при этом произвольно выбирая

⁵ Сама страница более не существует. Её копия, обнаруженная в интернете по адресу: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:vBLtmCBHT5gJ:nauka-shop.com/mod/shop/productID/54541+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>, была сохранена нами 6 марта 2016 года (см. Приложение 6) – с тех пор исчезла и она.

⁶ На стр. 16: «Основываясь на анализе материала по теме исследования, автор формулирует **концепцию проблемы** диссертации»; на стр. 446: «Сделанные выше выводы позволяют представить следующие **исторические уроки**» - за обеими вводными фразами следуют пассажи, прямо позаимствованные у Н.Ю. Вошинской с незначительными изменениями (стр. 4 и 12 её диссертации соответственно) – см. Прил. 6.

для «комплексного исследования» немногие давно известные тексты. Даже у Аделунга он сам насчитывает 150 подробно описанных источников (стр. 28) – но не принимает в расчёт абсолютное большинство из них, причём среди не учтённых им сочинений оказываются и те, что были опубликованы недавно на русском языке профессиональными историками⁷.

Столь же прискорбно «консервативен» и выбор переводов, которые использует Мединский – сам он комментирует его следующим образом: «Для исследования использовались переводы иностранных текстов на русский язык, выполненные в конце XIX - XX веков на высоком научном уровне. Они были сделаны с наиболее ранних и исправных печатных экземпляров. Поэтому не может быть сомнений в том, что данные переводы отражают авторский текст в полном объёме» (стр. 52).

В данном случае излишне даже обсуждать напрашивающийся вопрос, допустимо ли вообще браться за исследование подобной темы историку, неспособному прочитать в оригинале интересующие его тексты (написанные, естественно, на латыни или на родных языках путешественников): совершенно очевидно, что даже среди переводов отбирались только русские – в том числе и те, что были сделаны в XIX веке и в силу этого вряд ли могут отвечать современным критериям научности. Последствия этого, как и следовало ожидать, оказались весьма плачевными: характерный пример приводится в упомянутой выше статье В. Пенского⁸.

Речь идёт об отрывке из сочинения англичанина Ричарда Ченслора, которое В.Р. Мединский изучал в переводе Ю.В. Готье (1935). В оригинале он выглядит следующим образом: «*Quoties cum hoste conserendum est, incompositi in hostile agmen procurrunt. Neque aciem dirigunt (ut mos est nostris) sed in insidiis collocati, adversarios adoriuntur*»⁹ – т.е. «Когда приходит время сразиться с врагом, они мчатся на вражеское войско нестройной толпой. И не наступают в боевом порядке, как это принято у нас, но нападают на противника из засады». Готье по неизвестной причине передаёт смысл фрагмента искажённо: «На поле битвы они действуют без всякого строя. Они с криком бегают кругом и почти никогда не дают сражений своим врагам, но действуют только украдкой».

⁷ В качестве примеров можно назвать публикацию Е.И. Куксиной перевода записок ротмистра Николая Мархоцкого, служившего в России сначала в войске «Тушинского вора», а потом перешедшего на службу королю Сигизмунду III и описавшему "изнутри" осаду Москвы в 1611 году войсками Первого ополчения (Мархоцкий Николай, «История Московской войны», М.: РОССПЭН. 2000), и публикацию А.С. Лавровым записок французского дипломата де ла Невилля, побывавшего в России, как предполагается, с тайной миссией польского короля в 1689 году и оставившего ценные свидетельства о стрелецком восстании 1682 года, крымских походах и придворной борьбе во времена перехода власти от правительства царевны Софьи и боярина Василия Голицына к Петру I (Невилль, де ла, «Записки о Московии», М.: Аллегро-Пресс, 1996).

⁸ См. сноску 2.

⁹ Цит. по изданию «*Regum moscoviticarum auctores varii...*», Франкфурт, 1600, стр. 149.

Мединский комментирует это место соответственно: «Хотя у Ченслора не было возможности узнать, как ведут себя в бою русские воины, он написал, что «они с криком бегают кругом и почти никогда не дают сражений своим врагам, но действуют только украдкой». В русских источниках иные данные, поэтому информация англичанина представляется выдумкой. На это указывает хотя бы тот факт, что конные воины, из которых состояло русское войско, никак не могли бегать, им полагалось скакать» (стр. 233-234).

Всякому, кто способен самостоятельно сличить латинскую и русскую версию сообщения Ченслора, нетрудно убедиться, что этот производящий несколько комичное впечатление комментарий – следствие исключительно неспособности или нежелания диссертанта прочитать исследуемый текст в оригинале или хотя бы в современном английском переводе.

Таким образом, приходится признать, что не только общей квалификации историка, но и специальных навыков, необходимых для работы с записками иностранцев о России, у В.Р. Мединского нет и в помине, что и приводит к неутешительному, но вполне предсказуемому результату: поставленная им задача не решается даже на уровне дипломной работы студента исторического факультета.

IV. Выше нами были представлены многочисленные доказательства того факта, что текст В.Р. Мединского не удовлетворяет требованиям, предъявляемым к докторской диссертации (п.9 Постановления 842, п.8 Постановления 74¹⁰), а также критериям научности вообще. Однако для присуждения учёной степени доктора наук соискатель, как известно, обязан не только представить текст диссертации и защитить его согласно действующим нормам законодательства, но и предварительно **опубликовать основные результаты своего исследования** в ряде научных статей в ведущих рецензируемых журналах (при желании также монографий) – без этого допуск к защите по закону невозможен. И это требование, как и многие другие, по нашему мнению, в случае Мединского выполнено не было. Здесь следует рассмотреть подробно несколько аспектов проблемы (документальные подтверждения наших выводов см. в Приложениях 2,3,5).

В автореферате диссертации В.Р. Мединского, опубликованном на официальных сайтах ВАК¹¹ и Российского государственного социального университета¹², указаны

¹⁰ Здесь и далее нами используются следующие обозначения нормативных актов:

Постановление 842 - Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (ред. от 30.07.2014) "О порядке присуждения ученых степеней" (действует в настоящий момент);

Постановление 74 – Постановление Правительства РФ от 30.01.2002 № 74 (ред. от 31.03.2009) "Об утверждении единого реестра ученых степеней и ученых званий и Положения о порядке присуждения ученых степеней" (действовало во время защиты диссертации В.Р. Мединского).

¹¹ <http://vak1.ed.gov.ru/ru/dissertation/subscription/index.php?id54=12291&from54=317>

¹² http://www.rgsu.net/netcat_files/802/1052/h_d770ae8f34dbac0f488761f0d7c81e4

следующие публикации (ниже приводятся только статьи, напечатанные в рецензируемых журналах из официального перечня ВАК, и монографии):

1. Мединский В.Р. «Записки о Московии» Сигизмунда Герберштейна // Социальная политика и социология. № 2. 2011. – С. 13-20.
2. Мединский В.Р. «Записки о Московии» Сигизмунда Герберштейна как источник по политической истории первой половины XVI века // Ученые записки РГСУ. № 2. 2011. – С. 36-46.
3. Мединский В.Р. Об истоках мифа о вековом русском пьянстве // Ученые записки РГСУ. № 1. 2010. – С. 19-22.
4. Мединский В.Р. Русское государство XVI века в сочинениях англичан // Ученые записки РГСУ. № 11. 2010. – С. 16-20.
5. Мединский В.Р. Два образа Василия III в сочинениях Павла Йовия // Ученые записки РГСУ. № 3. 2011. – С. 35-40.
6. Мединский В.Р. Для чего был создан «Трактат о двух Сарматиях» Матвея Меховского // Социальная политика и социология. № 1. 2011. – С. 147-153.
7. Мединский В.Р. Взгляд европейцев на события Смуты в России // Социальная политика и социология. № 10. 2010. – С. 180-186.
8. Мединский В.Р. Иностранцы об опричнине Ивана Грозного // Социальная политика и социология. № 11. 2010. – С. 156-162.
9. Мединский В.Р. Сочинения Маржерета, Паерле и польская версия событий Смутного времени // Социальная политика и социология. № 9. 2010. – С. 142-148.
10. Мединский В.Р. Сочинения Барбаро и Контарини о русском государстве второй половины XV века // Социальная политика и социология. № 4. 2011. – С. 160-166.

Монографии:

11. Мединский В.Р. Русское государство времени Василия III в «Записках о Московии» С. Герберштейна. Монография. – М., 2009. - 156 с.
12. Мединский В.Р. Первые впечатления европейцев о Русском государстве. Монография. – М., 2011. - 148 с.
13. Мединский В.Р. Иностранцы о Московии накануне Петровских преобразований. Монография. – М.: РГСУ, 2010. – 180 с.
14. Мединский В.Р. Россия первой половины XVII века в сочинении Адама Олеария. Монография. – М., 2009. – 150 с.
15. Мединский В.Р. Проблемы объективности в освещении европейцами российской истории второй половины XV – XVII вв. Монография. – М.: РГСУ, 2010. – 380 с.

Эти сведения, как выяснилось при детальной проверке, не соответствуют действительности – и в первую очередь здесь следует отметить то, мягко говоря, странное обстоятельство, что **каких-либо следов существования хотя бы одной из пяти указанных В.Р. Мединским монографий нижеподписавшимся никаким доступным частному лицу способом обнаружить не удалось**. Они отсутствуют в каталогах Российской государственной библиотеки в Москве и Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, куда по закону должны поступать из Российской книжной палаты обязательные экземпляры всех изданных в России книг. По нашей просьбе редакция СМИ «Новая газета» направила запрос непосредственно в Российскую книжную палату и получила официальный ответ, согласно которому ни одна из якобы опубликованных монографий Мединского в РКП никогда не поступала – см. Приложение 5. Что же касается «ВАКовских» статей, то одна из них (идушая

в списке под номером 10) **никогда не была опубликована** – во всяком случае, в указанном В.Р. Мединским журнале «Социальная политика и социология». Остальные девять были напечатаны в действительности, хотя выходные данные во всех случаях в автореферате указаны неверно – третья и девятая датированы 2010-ым годом вместо правильного 2011-ого, в остальных случаях номер журнала совпадает, но перепутаны номера страниц.

Однако ещё более удивительно другое – текст автореферата, хранящегося в Российской государственной библиотеке (и в ряде других библиотек), не совпадает с опубликованным на сайтах ВАК и РГСУ – организации, в которой проходила защита диссертации Мединского! Иными словами, **автореферат существует одновременно в двух различных версиях** – электронную мы далее будем обозначать буквой А, бумажную – буквой В. При этом версию В, очевидно, следует признать более поздней, поскольку в ней исправлена часть ошибок версии А. Так, список «ВАКовских» статей в ней остался неизменным, но для номеров 3 и 9 правильно указан год и месяц издания, для номеров 2, 3 и 6 – также и страницы. Любопытно, что во всех остальных случаях номера страниц указаны неверно в обеих редакциях – но по-разному.

Нижеподписавшиеся не ставили себе задачи установить, по чьей вине была создана эта этически и юридически сомнительная ситуация, какую из двух версий автореферата следует считать «более официальной», можно ли здесь говорить о подлоге и т.д. В том, что касается интересующего нас аспекта, то есть публикаций по теме диссертации, различия между ними не принципиальны. Так, в обеих список статей, опубликованных в журналах из перечня ВАК, включает девять реально существующих и одну фиктивную – расхождения в номерах страниц в подобной ситуации не так уж важны.

Что же касается списка монографий, то тут вторая редакция автореферата существенно отличается от первой – в ней он выглядит следующим образом:

1. Мединский В.Р. Проблемы объективности в освещении европейцами российской истории второй половины XV - XVII вв. Монография. - М.: РГСУ, 2010. 380 с.
2. Мединский В.Р. Негодяи и гении PR от Рюрика до Ивана III Грозного. Монография. - Санкт-Петербург - Москва - Нижний Новгород - Воронеж: Питер, 2009. 316 с. (1000 лет русского PR).
3. Мединский В.Р. Мифы о России: В 3-х т. Монография - Т.1. О русском пьянстве, лени и жестокости. - М., 2010. - 576 с ; Т.2. О русской демократии, грязи и «тюрьме народов». - М., 2010. - 624 с; Т.3. О русском воровстве, душе и долготерпении. - М., 2010. - 522 с.¹³

Как мы видим, в версии В из пяти заявленных В.Р. Мединским ранее монографий остаётся одна (которая теперь идёт под номером 1), при этом книга «Негодяи и гении PR от Рюрика до Ивана III Грозного» перенесена в ту же часть списка (ранее в разделе «другие публикации»), а под номером 3 указан трёхтомник «Мифы о России», вообще отсутствующий в первой редакции автореферата. Складывается впечатление, что автор

¹³ См. Приложение 3, стр. 45.

в какой-то момент счёл неразумным перегружать список фиктивными монографиями и убрал из соответствующего раздела все, кроме одной, заменив их книгами, изначально туда не вошедшими по причине очевидного несоответствия критериям научной публикации.

Таким образом, вне зависимости от того, на какую из двух версий мы ориентируемся, можно констатировать следующее: в том, что касается информации о научных публикациях диссертанта, Мединским в автореферате была предоставлена заведомо ложная информация, а его научный консультант, официальные оппоненты и диссертационный совет (возглавляемый научным консультантом) проявили вопиющую недобросовестность, не проверив её хотя бы поверхностно на стадии допуска соискателя к защите либо закрыв на это глаза.

Все перечисленные обстоятельства поднимают вопрос не только о допустимости подобного образа действий со стороны соискателя с точки зрения академической этики, но и о выполнении им **обязательного требования, сформулированного в п.11 Постановления 842**: «Основные научные результаты диссертации должны быть опубликованы в рецензируемых научных изданиях» (в действовавшей на момент защиты редакции Постановления 74, п.11: «Основные научные результаты докторской диссертации должны быть опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях»).

Действительно, в девяти опубликованных В.Р. Мединским статьях (№№ 1-9 по вышеприведённому списку) содержатся исключительно частные выводы, относящиеся к периоду русской истории от середины XV века до конца Смуты, т.е. **ни общие выводы диссертации, ни результаты исследования диссертантом периода правления первых Романовых в них не отражены**. Что же касается монографий, то самое их существование сомнительно – не говоря уже о статусе «рецензируемых научных изданий», который предполагает **публикацию в научном издательстве**. Книгу «Негодяи и гении РР от Рюрика до Ивана III Грозного» и трёхтомник «Мифы о России» вообще к монографиям отнести нельзя, как уже было сказано выше – они относятся в лучшем случае к научно-популярному жанру.

При этом следует особо отметить, что и в случае действительно опубликованных диссертантом «ВАКовских» статей требования п.11 Постановления 842 (ранее 74) выполнены им только по форме, но не по сути. Журналы «Социальная политика и социология» и «Учёные записки РГСУ» входят в официальный перечень ВАК – но в том, что касается исторической науки, это очевидно не профильные издания. Так, на официальном сайте РГСУ о них приводятся следующие сведения:

Социальная политика и социология – «В 2003 году включен в перечень изданий, рекомендованных ВАК для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по философии, социологии и экономике»;

под рубрикой «Научные направления журнала» на сайте указано:

«08.00.00 Экономические науки, 09.00.00 Философские науки, 22.00.00 Социологические науки»;

Учёные записки РГСУ – «С 2003 года включен в перечень изданий, рекомендованных ВАК для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по педагогике и психологии»;

под рубрикой «Научные направления журнала» указано:

«13.00.00 Педагогические науки, 19.00.00 Психологические науки».¹⁴

Таким образом, в настоящий момент научная специализация обоих журналов совпадает с той, которая была определена при включении в перечень ВАК в 2003 году.

Разумеется, в тексте Постановлений 74 и 842 нигде не сказано, что требование п.11 относится только к профильным журналам, и даже если бы В.Р. Мединский сумел опубликовать свои изыскания в журнале «Химия высоких энергий», формально упрекнуть его было бы не в чем. Ещё в редакции 2008 года, опубликованной в официальном «Бюллетене ВАК» (№4, 2008), перечень утверждённых изданий был дифференцирован и снабжён примечанием: «в Перечне звездочками (*) отмечены отечественные журналы и издания, рекомендованные для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук. Публикации результатов научных исследований соискателей ученой степени кандидата наук могут размещаться в любом, **соответствующем отрасли наук**¹⁵, журнале и издании указанного Перечня» (стр. 2); однако в следующих редакциях эта дифференциация исчезла. Подобная «либерализация» формальных требований вполне может быть оправдана в тех случаях, когда исследования соискателя носят де-факто междисциплинарный характер – однако в случае В.Р. Мединского с его источниковедческой темой речь об этом, разумеется, не идёт.

Более того, если учесть, что главным редактором «Учёных записок РГСУ» и председателем редакционного совета «Социальной политики и социологии» был на тот момент научный консультант Мединского В.И. Жуков, вырисовывается совсем неприглядная картина – здесь само собой напрашивается предположение, что соискатель, заведомо не имея возможности напечатать свои «научные» статьи в серьёзном историческом журнале из-за их низкого качества, вынужденно опубликовал их в тех двух непрофильных изданиях, которые непосредственно контролировались Жуковым, благодаря покровительству последнего. При этом самая ранняя публикация относится к октябрю 2010 года, а далее они появляются в каждом номере обоих журналов по март включительно, за исключением декабрьских; иными словами, все они, от первой до последней, вышли за полгода – вероятно,

¹⁴ <http://rgsu.net/about/science/publishing/magazine/>

¹⁵ Выделено нами.

непосредственно предшествовавшие представлению материалов в диссертационный совет.

Все эти обстоятельства, возможно, не содержат формального нарушения закона; однако они по меньшей мере указывают на необходимость особенно строгой и тщательной проверки выполнения В.Р. Мединским требований Постановления 842 (74), касающихся предварительной публикации в рецензируемых научных изданиях основных результатов исследования. Поскольку диссертационный совет Д.212.341.02, как мы показали выше, проявил вопиющую недобросовестность, не проверив даже сам факт существования указанных соискателем статей и монографий (или закрыв глаза на представление совету и оппонентам заведомо ложных сведений), полагаться на его заключение в данном вопросе, безусловно, нельзя – и тут даже излишне ссылаться на тот очевидный факт, что он целиком состоял из лиц, в силу служебного положения непосредственно зависевших от научного консультанта соискателя, В.И.Жукова, занимавшего в то время пост ректора РГСУ.

Мы, со своей стороны, утверждаем (см. выше), что в девяти «ВАКовских» статьях Мединского не отражены общие выводы его диссертации, а из частных выводов представлены только относящиеся к первым двум третям рассматривавшегося им периода русской истории, в то время как эпоха первых Романовых¹⁶ (1613-1699) не затронута вовсе. Таким образом, если диссертанту не удастся доказать, что хотя бы последняя из указанных им в ранней версии автореферата монографий, во-первых, действительно была издана, во-вторых, может быть обоснованно отнесена к рецензируемым научным изданиям, то, по нашему мнению, следует считать установленным, что требования п.11 Постановления 842 (74) им не выполнены, каковое обстоятельство по закону само по себе является достаточным основанием для лишения учёной степени¹⁷.

V. Помимо этого, изучение обеих версий автореферата В.Р. Мединского ставит перед нами и другой вопрос: удовлетворяет ли его диссертация такому фундаментальному критерию, как корректно оформленные ссылки на материал, позаимствованный у других исследователей? Как уже было показано ранее, часть текста на стр. 16-17 (фрагмент, выделенный курсивом) позаимствована им у Н.Ю. Воицкой¹⁸; при этом сам текст немного видоизменён, а ссылка на источник оформлена некорректно и имеет вид nauka-shop.com/mod/shop/productID/54541/ – см. **Приложение 6**. В то же время в автореферате (редакции А и В, стр. 9-10) соответствующий фрагмент вообще не снабжён ссылкой – и, более того, на стр. 9 автор эксплицитно утверждает, что речь идёт

¹⁶ Включая ранние годы правления Петра I – самые поздние изученные Мединским сведения относятся к 1699 году.

¹⁷ Постановление 842, п.65/Постановление 74, п.44.

¹⁸ См. сноску 6.

о «собственной концепции проблемы»¹⁹, а на стр. 11 «авторская концепция проблемы» включена отдельным пунктом в список положений, выносимых на защиту!

По нашему мнению, здесь имеет место грубое нарушение требований пункта 14 Постановления 842 / пункта 12 Постановления 74, по закону также являющееся самостоятельным основанием для лишения учёной степени. Разумеется, диссертационные советы и ВАК, невзирая на букву закона, нередко проявляют определённую снисходительность к отсутствию корректно оформленной ссылки на источник, когда речь идёт о незначительных объёмах заимствованного текста; однако в данном случае небольшой объём с очевидностью не может служить извинением, поскольку речь идёт о **прямом присвоении диссертантом авторства положения, выносимого на защиту** – причём это положение взято им у Н.Ю. Воициной целиком.

VI. Наконец, всё, сказанное нами выше о вероятных причинах публикации статей В.Р. Мединского в непрофильных журналах, контролировавших его научным консультантом академиком В.И. Жуковым, может быть сказано и о самой защите диссертации, которая состоялась в возглавлявшемся тем же Жуковым диссертационном совете Д.212.341.02. В том, что касается избранной диссертантом области – русской истории XV-XVII вв., – этот совет по существу не может быть признан профильным. Формально никакого нарушения в этом, как и в случае с непрофильными журналами, нет – по закону специальность 07.00.02 «отечественная история» не дифференцирована по периодам. Однако по существу здесь складывается картина, во многом аналогичная той, о которой шла речь выше применительно к публикациям.

В самом деле, при детальном изучении обстоятельств защиты бросаются в глаза следующие труднообъяснимые с точки зрения сложившейся в научном сообществе практики (да и обыкновенного здравого смысла) факты: 1. научным консультантом Мединского стал В.И. Жуков, не являющимся специалистом по истории России XV-XVII вв.; 2. официальными оппонентами были назначены А.Ю. Борисов, В.М. Лавров и Б.К. Гасанов, также не являющиеся специалистами в данной области; 3. диссертация защищалась в совете Д.212.341.02, в составе которого таких специалистов попросту не было.

Конечно, привести здесь сколько-нибудь полные данные, относящиеся к научной деятельности всех задействованных лиц, не представляется возможным – у одного только В.И. Жукова насчитывается более ста публикаций²⁰; тем не менее, простой перечень названий защищённых ими диссертаций может послужить хорошей иллюстрацией к вышесказанному.

¹⁹ Аналогичное утверждение присутствует и в тексте диссертации, стр. 16.

²⁰ См. напр. http://lib.rgsu.net/works/zhukov/zhukov_355.html

ФИО	Название диссертации (д – докторская, к – кандидатская)	Специальность (по каталогу РГБ)
Научный консультант:		
Жуков В.И.	Осуществление и развитие КПСС принципа демократического централизма. Современная историография (д) – Воронеж, 1985	07.00.01 История КПСС
	Принцип коллективности партийного руководства и его освещение советской историографией 1956-1978 гг. (к) – Воронеж, 1979	07.00.01 История КПСС
Оппоненты:		
Борисов А.Ю.	Отношения СССР-США в период мировой войны – опыт сотрудничества государств с различным социально-экономическим строем (д) – Москва, 1985	07.00.05 История международных отношений и внешней политики
	Политика США в отношении социалистических стран Восточной Европы. 1961-1968 гг. (к) – Москва, 1972	_____
Лавров В.М.	/«Крестьянский парламент» России (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917-1918 гг.) – монография, в каталоге РГБ не значится/	_____
	Источники по истории Чрезвычайного и Второго Всероссийских съездов Советов крестьянских депутатов (ноябрь-декабрь 1917 г.) (к) – Москва, 1986	07.00.02 Отечественная история
Гасанов Б.К.	Политические движения и партии на Северном Кавказе в 1917-1920 годах: идеология, практика, исторические судьбы и уроки (д) – Москва, 1997	07.00.02 Отечественная история
	Рост культурно-технического уровня молодых рабочих в условиях научно-технической революции (1971-1985): на материалах ДагАССР (к) – Махачкала, 1986	07.00.02 Отечественная история
Члены дис. совета, имевшие степень д. ист. н.²¹:		
Демидова Т.Е.	Технологизация социальных процессов в контексте духовно-нравственных отношений в отечественном и зарубежном историческом опыте (вторая половина XX века) (д) – Москва, 2000	07.00.02 Отечественная история
	Общение: актуальные проблемы теории и социальной практики, сравнительный анализ зарубежного и отечественного опыта (к) – Москва, 1992	09.00.01 Онтология и теория познания
Зубанова С.Г.	Социальное служение Русской Православной Церкви в XIX в. (д) – Москва, 2002	07.00.02 Отечественная история
	Православная Церковь в социальной, культурной и духовной жизни Российского общества XIX века (к) – Москва, 1995	07.00.02 Отечественная история
Ляпунова Н.В.	Эволюция профессионального церковного образования в России (д) – Москва, 2006	07.00.02 Отечественная история
	Кадровая политика КПСС в советской историографии середины 50-х - 60-х годов (к) – Москва, 1991	07.00.01 История КПСС
Прилуцкий В.В.	Деятельность государственных органов и общественных организаций по военно-патриотическому воспитанию населения СССР (1922 - июнь 1941 гг.) (д) – Москва, 2001	07.00.02 Отечественная история
	Военно-политическая и организаторская деятельность Л.Б. Красина (1905-1920гг.) (к) – Москва, 1990	07.00.01 История КПСС

²¹ Состав совета дан по состоянию на момент защиты В.Р.Мединского. Особо следует отметить, что Е.Н. Тарасов и Б.К. Гасанов – как и все без исключения члены совета Д.212.341.02, не имевшие учёной степени доктора исторических наук, – входили в него не по специальности 07.00.02 «Отечественная история», а по специальностям 23.00.01 и 23.00.02 (политические науки).

Провадкин Г.Г.	Социальная экология: историография проблемы (50-80-е гг. XX века) (д) – Москва, 1999	07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования
	Деятельность партийных организаций Центрального Черноземья по интенсификации сельскохозяйственного производства в условиях совершенствования социализма (к) – Воронеж 1986	07.00.01 История КПСС
Старостенков Н.В.	Роль государства и общественных движений России в развитии железнодорожного транспорта, вторая половина XIX в. – 1914 г. (д) – С.-Петербург, 1994	07.00.01 История КПСС
	Железнодорожные войска русской армии и их вклад в экономическое развитие России (вторая треть XIX века— 1914 год) (к) – С.-Петербург, 1992	07.00.02 Отечественная история
Субаева О.Н.	Социальное служение как исторический феномен: 1701-2001 гг. (д) – Москва, 2004	07.00.02 Отечественная история
	Становление системы социальной защиты населения Российской Федерации в 1991-1995 гг.: историко-социальные тенденции (к) – Москва, 1999	07.00.02 Отечественная история
Тарасов Е.Н.	Идейно-воспитательная работа партийных организаций трудовых коллективов : опыт, проблемы перестройки (д) – Москва, 1990	07.00.14 Партийное строительство
	Социальное развитие производственного коллектива и перспективное планирование идейно-воспитательной работы (к) – Москва, 1975	_____

Список впечатляющий – если судить по названиям диссертаций, из десяти входивших в состав совета докторов исторических наук (из которых один был научным консультантом, а другой, Б.К. Гасанов, – официальным оппонентом В.Р. Мединского) ни один не специализировался на истории России XV-XVII вв. Большинство явно тяготеет к современной истории, пять из десяти защищали минимум одну диссертацию по специальности «история КПСС». В их число входит и научный консультант Мединского В.И. Жуков, при этом не только у него, но и у всех трёх оппонентов диссертации посвящены исключительно периоду после 1917 года²².

Конечно, никто не будет утверждать, что круг научных интересов всех этих учёных ограничен темами их диссертаций – однако списки названий прочих их публикаций, внесённых в каталоги РГБ, ничего принципиально не меняют в этой неожиданной картине, в чём легко может убедиться любой желающий. При этом нельзя сказать, что в Москве вовсе нет докторов исторических наук, специализирующихся на истории Русского государства допетровского периода, или что никто из них не входит ни в один

²² То же можно сказать и относительно ведущей организации, Московского государственного гуманитарного университета (МГУ) им. М.А. Шолохова: отзыв на диссертацию В.Р. Мединского должен был быть подготовлен на кафедре Отечественной истории этого ВУЗа и подписан тогдашним заведующим кафедрой проф. А.И. Юрьевым – канд. дис. «Сотрудничество ВЛКСМ и Демократической организации молодёжи Афганистана: опыт, проблемы (1978-1988гг.)» (1990), докт. дис. «Социалисты-революционеры Центрального промышленного р-на России (февр. 1917 – июль 1918гг.)» (1994). Специалистов по истории допетровской Руси среди сотрудников кафедры не было.

диссертационный совет. Казалось бы, у В.Р. Мединского не было никакой разумной причины избрать своим научным консультантом В.И. Жукова и защищаться в возглавляемом им совете Д.212.341.02, а у совета – назначить ему трёх оппонентов из числа специалистов по истории XX века.

По нашему мнению, единственное правдоподобное объяснение всех этих удивительных фактов сводится к предположению, что своей успешной защитой Мединский обязан исключительно покровительству академика РАН В.И. Жукова. В самом деле, вот только некоторые из установленных нами обстоятельств:

1. начиная с октября 2010 г. у В.Р. Мединского, не имеющего базового исторического образования и никогда прежде не публиковавшего академических исследований по истории, выходит в течение полугода 9 статей в двух журналах, издающихся РГСУ и контролирующихся В.И. Жуковым (в одном журнале он был тогда главным редактором, в другом – председателем редакционного совета, и это помимо ректорской должности). При этом научный уровень статей не выдерживает никакой критики.
2. Вскоре Мединский представляет написанную им диссертацию к защите в совет Д.212.341.02, не имеющий в своём составе ни одного специалиста по соответствующему заявленной теме периоду русской истории, но при этом также контролирующийся В.И. Жуковым – и в качестве председателя, и, что ещё важнее, в качестве ректора РГСУ, преподавателями которого были на тот момент члены совета.
3. В роли научного консультанта выступает всё тот же В.И. Жуков, в своих научных работах специализирующийся на социологии и на истории XX века.
4. Совет принимает диссертацию к защите, несмотря на то, что диссертантом была представлена заведомо ложная (и при этом легко проверяемая) информация об имеющихся у него научных публикациях по теме исследования.
5. Официальными оппонентами совет назначает трёх исследователей, также специализирующихся на истории XX века.

К этому списку следует добавить ещё один любопытный факт: 2 июня 2011 года, т.е. менее, чем за месяц до защиты, в РГСУ проходит учредительный съезд общественной организации «Научно-педагогический союз историков России». В.И. Жуков и В.Р. Мединский входят в число его сопредседателей – притом, что только за год до этого события последний не имел никаких оснований называть себя историком.

С формальной точки зрения, – уточним это сразу, – на основании вышесказанного нельзя утверждать определённо, что странное поведение диссертационного совета Д.212.341.02 объясняется давлением ректора РГСУ В.И. Жукова на своих подчинённых «по университетской линии», из которых этот совет состоял, или что только благодаря ему же «научные» статьи Мединского были напечатаны в двух издающихся РГСУ журналах. Однако названные обстоятельства, вероятнее всего, являются частью ответа на напрашивающийся вопрос: каким образом текст, столь очевидно не

соответствующий критериям докторской диссертации, да и научного исследования вообще, мог быть успешно защищён?²³ Именно поэтому, хотя сами по себе они и не могут служить формальным – и, тем более, достаточным – основанием для лишения учёной степени, мы сочли необходимым изложить их здесь наряду с прочими.

Что же касается формальных оснований, то, напомним, п. 9 Постановления 842 гласит: «Диссертация на соискание ученой степени доктора наук должна быть научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, либо решена научная проблема, имеющая важное политическое, социально-экономическое, культурное или хозяйственное значение, либо изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения, внедрение которых вносит значительный вклад в развитие страны».

П. 11 того же Постановления гласит:

«Основные научные результаты диссертации должны быть опубликованы в рецензируемых научных изданиях».

П. 14 того же Постановления гласит:

«В диссертации соискатель ученой степени обязан ссылаться на автора и (или) источник заимствования материалов или отдельных результатов.

При использовании в диссертации результатов научных работ, выполненных соискателем ученой степени лично и (или) в соавторстве, соискатель ученой степени обязан отметить в диссертации это обстоятельство.»

Аналогичные по смыслу формулировки содержатся и в пп. 8, 11 и 12 Постановления 74, действовавшего в момент защиты.

Поскольку В.Р. Мединским, как было показано выше, содержащиеся в пп. 9 и 14 требования с полной очевидностью выполнены не были, в то время как выполнение требований п.11 ничем не подтверждено и должно быть признано сомнительным ввиду представления им в автореферате диссертации заведомо ложных сведений о своих научных публикациях, мы, считая присуждение ему учёной степени доктора исторических наук неправомерным и руководствуясь пунктом 65 ныне действующего Постановления 842 («Лица, которым ученые степени были присуждены с нарушением критериев, установленных пунктами 9-14 настоящего Положения, могут быть лишены этих степеней по решению Министерства образования и науки Российской Федерации»), а также пунктом 44 Постановления 74 в редакции, действовавшей в июне 2011 года,

²³ То же можно сказать и ещё об одном обстоятельстве из этого же ряда: третий сопредседатель «Научно-педагогического союза историков России» профессор А.А. Данилов, председатель печально известного диссертационного совета Д 212.154.01 (распущенного в результате специального расследования Минобрнауки – см. lenta.ru/news/2013/01/31/decision/), был в то время заместителем председателя Экспертного совета ВАК по истории – именно этот ЭС утвердил в конце 2011 года защиту В.Р. Мединского.

ТРЕБУЕМ

в соответствии с нормами действующего законодательства исправить допущенное ранее диссертационным советом Д.212.341.02 и Высшей аттестационной комиссией нарушение и лишить В.Р. Мединского учёной степени доктора исторических наук, присуждённой ему в результате состоявшейся 27 июня 2011 года защиты диссертации на тему «Проблемы объективности в освещении российской истории второй половины XV - XVII вв.».

_____ /В.Н. Козляков/

_____ /К.Ю. Ерусалимский/

_____ /И.Ф. Бабицкий/

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Копии страниц диссертации В.Р. Мединского, на которые в тексте настоящего Заявления даются ссылки.
2. Нотариально заверенная копия автореферата диссертации, опубликованного на сайте РГСУ.
3. Копия автореферата диссертации из Российской государственной библиотеки.
4. Фрагмент библиографии из московского издания записок Генриха Штадена (1925), копия с сайта www.vostlit.info.
5. Копии запроса СМИ «Новая газета» в Российскую книжную палату о монографиях В.Р. Мединского и ответа Генерального директора РКП от 08.07.2014.
6. Материалы, подтверждающие некорректное заимствование В.Р. Мединским фрагмента диссертации Н.Ю. Воицкой.

О лицах, подписавших настоящее Заявление

В.Н. Козляков, д. ист. н. (диссертация «Служилый "город" Московского государства XVII века: от Смуты до Соборного уложения», Санкт-Петербург, 1999), профессор Рязанского государственного университета им. Сергея Есенина, Рязань.

К.Ю. Ерусалимский, д. ист. н. (диссертация «Московиты в Польско-Литовском государстве второй половины XVI - начала XVII в.», Москва, 2011), профессор Российского государственного гуманитарного университета, Москва.

И.Ф. Бабицкий, Ph.D. (Флорентийский университет, диссертация «L'Influence des auteurs latins et italiens sur la théorie littéraire de la Pléiade (J. Du Bellay, J. Peletier, P. Ronsard)», Firenze, 2010). Принимал участие в коллективной экспертизе диссертации В.Р. Мединского в качестве специалиста с подтверждённой квалификацией в области чтения и анализа неолатинской литературы эпохи Ренессанса.